

*Она часто признавалась другим, да и самой себе,
что единственным её желанием было следовать воле свыше, —
но серьёзно при этом заблуждалась,
путая небеса с устройством своего разума.*
Алессандро Манцони. Обручённые¹

Моей родной деревушке Асагра² посвящаю

Глава 1

«...И ПОСЛЕ ВСЕГО ЭТОГО...»

1

Книга эта была предreshена с того момента, когда в 1992 году на Рождество эту тему заронил во мне Луис Меркадер, хотя я поначалу не сознавал, о чём будет речь. На праздники мы с женой и двумя детьми поехали в Памплону, чтобы побыть с родителями, попеть с ними «*Оленчero йоан зайгу*»³. Конечно, побывали в гостях у моей сестры, которая жила тогда на улице Рио-Урроби в Ла-Милагрос — хаотично застроенной части города, которую ещё не заселили латиноамериканцы, ныне кардинально поменявшие её облик. Вполне вероятно, что единственными обосновавшимися там приезжими из-за границы были некие Луис и Галина, которые жили как раз над квартирой моей сестры.

В то время я только начинал свою эфемерную карьеру в качестве автора текстов для комиксов и уже опубликовал в паре с моим другом Жауме⁴ Марсалем альбом по истории Барселоны, имевший определённый успех в канун Олимпиады⁵. Один экземпляр я переслал сестре, а когда навестил её на Рождество, она сказала, что давала его посмотреть своему русскому соседу, которому понравилось, и он захотел со мной познакомиться.

¹ Эпиграф на итальянском. Здесь и далее примечания переводчика. Ссылки и примечания автора даны в квадратных скобках, цитаты при этом приводятся по указанному источнику.

² Автор родом из Наварры.

³ Популярная на Рождество баскская песня «*Пошёл Оленчero на гору...*».

⁴ Каталонские имена и названия по возможности даются в каталанском произношении, как это сегодня принято в Испании.

⁵ Летние Олимпийские игры 1992 года прошли в Барселоне.

Я не понимал, о ком идёт речь, — между тем сосед, хотя и прибыл сюда из Советского Союза, родом оказался из Барселоны.

Он представился:

— Луис.

Приветливый и элегантно-обходительный, довольно неторопливый, он говорил с задержками и лёгким экзотическим акцентом. Высокий и почти облысевший, вид имел серьёзный и несколько отстранённый. Какое-то время спустя я поразился невероятной схожести с мужем его матери. Его жена Галина не скрывала восторга перед капитализмом.

— Луис... э-э? — уточнил я.

— Меркадер.

Некоторая заминка, с которой он произнёс фамилию, возбудила моё любопытство.

— Вы имеете какое-то отношение к Рамону Меркадеру? — спросил я.

— Он был моим братом.

Было ясно, что не о своей семье хотел он поговорить со мной. Сказал, что в Советском Союзе работал в космической области — спутниковая связь — и даже занимал какую-то должность в одном из НИИ. В Памплону переехал совсем недавно по приглашению Народного университета Наварры и теперь преподаёт телекоммуникации. За обедом — ветчина, вино Сан-Мартин-де-Ункс — мы говорили об Олимпиаде и истории Барселоны, и мне пришлось сдерживать себя, чтобы не свернуть на интересовавшую меня на самом деле тему. Поэтому, когда он признался, что они совсем не знают города и у них пока не было времени заиметь тут друзей, я тут же предложил им прошвырнуться по самым прикольным барам древних кварталов.

На следующее утро мы встретились у мэрии и начали с кафе «Урриселки» на улице Хараута близ ресторана «Ореха», который и поныне сопротивляется течению времени. Конечно, мой расчёт был на то, что Луис с Галиной мало-помалу смягчат настороженность. Я млеял, предвкушая узнать подробности жизни Рамона, однако они предпочитали делиться мыслями о достоинствах капиталистического уклада.

— Лучшую черту капитализма вы сами даже не видите, — раскрывал мне глаза Луис на наши реалии. — Входишь в любую лавку — и можешь выбрать даже то, что не собирался купить. Мы к этому никак не привыкнем. А тебе наверняка не в жилу вообразить, до какой степени это важно.

И действительно, я с трудом понимал, что он имел в виду. На столе лежал номер «*Дьярио де Наварра*» с рекламой досуга, где среди прочего Маколей Калкин¹ приглашал посмотреть «*Один дома — 2*» с его участием.

¹ Маколей Карсон Калкин — американский актёр и музыкант, сыграл главную роль в блокбастере «*Один дома*».

— Или вот смотрите, как у вас люди доверяют друг другу! — заметила Галина. — Маляры нам только что перекрасили квартиру, попрощались и ушли, сказали, что за оплатой придут позже. Они абсолютно уверены, что я им заплачу!

От сестры я уже был в курсе, что Галине нравилось время от времени менять цвета их жилища. Она находила в этом какое-то удовольствие. Парочка была буквально заворожена достоинствами капитализма, отчего нетрудно было предположить, что из СССР они прибыли недавно. Однако, как выяснилось, Луис жил в Испании уже с октября 1978-го. В Барселону он прибыл недолго спустя после смерти брата Рамона, полный радужных надежд. Тем не менее здешняя реальность его порядком разочаровала. Обратившись в *ОСПК*¹, он не нашёл видимой поддержки, да и его работа в фирме «*Amenas Tagra*» в Бадалоне не приносила удовлетворения.

— Когда я уезжал из Советского Союза, в вузах уже не осталось ни преподавателей, ни студентов, которые продолжали бы искренне верить в идеалы коммунизма и своим правителям — это я тебе говорю с полным знанием дела. Однако кто мог тогда представить, что до падения Берлинской стены оставалось всего одиннадцать лет!

Из «Урриселки» мы прошлись по другим барам, которых уже не помню, за этой прогулкой последовали другие, так что у меня было достаточно времени, чтобы завоевать расположение моих новых знакомых. Во всяком случае, в памяти остались те рождественские деньки с безоблачным синим небом, когда солнце даже чуть пригревало, располагая к неспешным гуляниям.

В баре «Маррано» на улице Сан-Николас, под *тортилью* с анчоусами и рюмочку наваррского *кларете* Луис Меркадер признался, что в Испанию вернулся потому, что с некоторых пор понял: специалист его квалификации может рассчитывать на более достойный уровень жизни, чем тот, которым его семья довольствовалась в СССР. В 1973-м он был преподавателем факультета радиосвязи и телекоммуникаций Московского электротехнического института связи², однако при этом ютились они в коммунальной

¹ *Partido Socialista Unificado de Catalunya* — Объединённая социалистическая партия Каталонии (*PSUC*, или *ОСПК*, то же *ПСУК*), существовала с 1936 по 1987 год как региональное отделение КПИ. Основана 23 июля 1936 года в результате объединения четырёх левых групп: Каталонской федерации Испанской социалистической рабочей партии (*ИСРП*), Коммунистической партии Каталонии (Каталонское отделение КПИ), Социалистического союза Каталонии и Каталонской пролетарской партии.

² Ныне Московский технический университет связи и информатики (*МТУСИ*). По приезду в Испанию в 1978 году Луис Меркадер через некоторое время стал работать преподавателем в Мадридском университете Комплутенсе в должности заведующего кафедрой коммуникаций. Вышел на пенсию в 1988-м.

квартире, разделяя жилище с двумя чужими семьями. Постоянно раздражались склоки по поводу платы за свет: каждая сторона считала, что потребляет менее других. Поскольку ему позволялись служебные командировки за границу, он приобрёл по случаю двухместный морской тур вокруг Европы с заходом в Лондон и Гавр. Однако добиться разрешения властей на поездку вдвоём не удалось: ехать — пожалуйста, но по очереди — один из супругов должен остаться в Москве. Супруги тогда решили, что ехать надо Галине. По возвращении она сказала: «Понятно теперь, почему нам не дают выезжать в этот самый мир капитализма. Если бы мы туда ездили свободно, то смели бы эту власть к чёртовой матери».

Луис в первую свою зарубежную поездку несколько дней пробыл в Цюрихе. На такси проехал из аэропорта в один из центральных отелей. По дороге, глядя по сторонам, выискивал проявления нищеты в этом капиталистическом городе и был немало смущён их отсутствием. «Где у вас рабочие кварталы?» — спросил он таксиста. Тот махнул рукой по сторонам: «Да вот же они!» — Луис даже не сразу понял. В 1976-м ему удалось добиться разрешения повидать своих братьев в Париже в связи со смертью матери. Супруги пробыли там два месяца. Вернувшись, буквально заболели идеей переехать на Запад. Твёрдое желание обосноваться в Барселоне они приняли в январе 1977-го. Чтобы добиться разрешения, Луис предпринял определённые шаги по официальному отказу от советского гражданства и членства в КПСС. Рассказывая обо всём этом, он заговорил о своей матери Каридад Меркадер. И это было именно то, чего я от него подспудно ждал, — понятно, что он затронул эту тему, лишь проникшись ко мне доверием. Помнится, меня удивил тон рассказа. Галина, следя за его речью, согласно кивала, при этом Луис перешёл от своей обычной манеры на более серьёзные нотки, приблизил голову к моей и стал описывать портрет весьма властной, неординарной и сильной характером женщины, которую он тем не менее не слишком-то за это ценил.

Рассказал о её отношениях с Берией, о том, как ездила в Мексику и почти ухитрилась вытащить Рамона из тюрьмы. В то время я имел довольно смутное представление о биографических деталях этой семьи и внимал тому порыву откровения, не понимая всей вязи событий, схема которых передо мной разворачивалась. Увы, лишь сегодня я мог бы сформулировать те вопросы, которые нужно было бы задать тогда.

— О, это была не женщина, а ужас в юбке! — воскликнул он под конец.

К сожалению, тогда он откровенничал об их семейных делах перед человеком, который не ведал о предмете ни сном ни духом. Ах, что бы я только ни дал, чтобы вновь воспользоваться такой возможностью! Ведь до меня начала доходить вся пережитая ими драма, лишь когда накануне нашего отъ-

езда в Барселону я зашёл попрощаться, и Луис подарил мне рукопись своей книги «*Рамон Меркадер, мой брат*»¹.

После её прочтения пришли другие в произвольной и нерегулярной последовательности, однако мало-помалу в моей голове стало выстраиваться понимание роли семьи Меркадеров в современной истории. И тогда единственной моей заботой стало удовлетворение любопытства, которое сегодня я бы оценил как довольно поверхностное, но которое мало-помалу стало обрастать некоей формой. Это случилось, когда я прочёл — 15 лет спустя после встречи с Луисом! — книгу Хавьера Хуареса «*Родина. Испанка на службе КГБ*» — полное приключений жизнеописание очаровательной советской шпионки Африки де лас Эрас. Я осознал факт превращения простой уроженки Сеуты, которой была уготована судьба жены испанского военного, в одну из самых эффективных разведчиц в истории Советского Союза, сыгравшей в ряду прочего определённую роль в убийстве Троцкого. Это раскрывало завораживающий ракурс последствий гражданской войны в Испании. Затем в галерее портретов Каридад Меркадер и Африки де лас Эрас стали прорисовываться лики Кармен Бруфау Сивит, которая была родом из Аграмунта, провинция Лерида, и Лены Имберт, невесты Рамона. Этот ряд и будет одним из главных в этой истории.

7 октября 2012 года я посетил деревушку Эрр во французской Серданье, чтобы встретиться с Марьяно, племянником Кармен Бруфау, которого удалось найти по телефонному справочнику. Именно разговор с ним подтолкнул меня перейти от простого чтения материалов к намерению всё это описать. Из Эрра я увозил воспоминания, документы, письма, фотографии, а также некий электронный адрес в Москве, — всё это Марьяно щедро предоставил в моё распоряжение. Так начался обстоятельный сбор материала для книги.

Когда я делился с друзьями начавшимися изысканиями, они спрашивали, что особенного я намереваюсь открыть. А мной просто руководило растущее любопытство, поле которого неизменно расширялось, словно ветви дерева, по всему XX веку. Поскольку я не особо торопился, то частенько позволял себе сознательно отклоняться по еле заметным тропинкам, стараясь не уходить далеко от основного пути. Тем не менее замечу, что не единожды именно на них я находил такие факты, которые пропали бы, если бы я шёл точно по азимуту. Как часто случается в жизни, порой стоит поплутать, чтобы найти нечто неожиданное. Так что неким неотвратимым образом все пройденные тропы так или иначе вели меня по истории семьи Меркадер. Именно тогда я сделал два важных открытия: первое — что любопытство вознаграждает в первую очередь того, кто не суетится, и второе — что одного любопытства недостаточно для прорыва к истине.

¹ Издания этой книги на испанском (1990) и русском (2011) языках указаны на с. 374.

2

В поисках не покидало меня чувство, будто я восхожу на гору, высота которой неведома, а вершина скрыта в облаках. Продвигался по мере накопления информации, при этом, чтобы её оценить, мне не хватало самого необходимого: общего и незамутнённого взгляда на те события.

История совсем не похожа на город *Веритас — Город истины*, описанный в одноимённом романе Джеймса Морроу¹, жители которого могут говорить правду и только правду, отчего каждый видит другого насквозь. В реальной жизни правда представляет собой способ выгодного или невыгодного влияния на окружающих, и зачастую кажется, что лучше солгать, чем поступить наоборот. Так что персонажи претендующих на правдивое изложение мемуаров, которые фигурируют в библиотеках и архивах и где документально одни описывают действия других, могут лишь отдалённо походить на реальных людей. А уж что говорить о тех, кто, подобно нам, пытается воссоздать историю реальных событий, основываясь на чьих-то свидетельствах или воспоминаниях, — фактически по обрывкам того, что сохранилось в голове! Бенито Херонимо Фейхоо² писал: «Страх, надежда, любовь, ненависть — четыре шквальных ветра, не оставляющих на кончике пера ни следа от правды» [1]. Разумеется, даже минимальное чувство порядочности побуждает исследователя ничего не выдумывать; однако в исторических вопросах одно дело просто не врать, и совсем другое — сказать всю правду.

Если верить индийским легендам, в древности в некоем царстве существовал обычай: каждый принц перед восшествием на трон должен был совершить путешествие в поисках Правды. При этом ему следовало расспрашивать людей. Иногда принцу встречался кто-нибудь, кому рассказывали, что она там-то, и он туда устремлялся, но там говорили: да, было дело когда-то, была Правда в наших местах, но ухлестнула в неизвестном направлении. Так что не было у неё определённого места жительства. Проходили недели, месяцы и даже годы, и только самые упорные принцы продолжали поиски. Кто был достаточно настойчив, в конце концов находил её там, где менее всего ожидал, — например, в зеве пещеры, куда он забирался для отдыха, или на глухой тропинке. И каждый раз оказывалось, что Правда — безобразная старуха, одетая в лохмотья, еле прикрывавшие гнойные язвы. «Что ж ты ищешь, добрый человек?» — вопрошала старуха. «Прав-

¹ Джеймс Морроу, род. 17 марта 1947 года, — американский писатель, лауреат международных премий в области фантастики.

² Бенито Херонимо Фейхоо-и-Монтенегро (1676–1764) — монах-бенедиктинец, выдающийся испанский просветитель, учёный и писатель.

ду ищущу», — отвечал принц. «Ну, вот ты и нашёл её», — говорила старуха и приводила ему убедительные суждения об истинной сути вещей. Прощаясь, принц спрашивал, не желает ли она передать людям какое-либо послание. «А вот скажи им, что я молода и красива», — отвечала она. Таким образом, в те времена, когда в Правде искали то, что наши современники ищут в истории, удачливые принцы становились доками в политических науках. Сегодня, чтобы докопаться до истины, мы естественным образом уже располагаем исторической панорамой, которую раскинула посткоммунистическая эпоха. И об убеждённости коммуниста судят совершенно по-разному те, кто сегодня защищает правомерность «красной утопии» в истории развития, и те, кто убеждён, что любая утопия аморальна. Так что мне трудно пренебречь мнением Луиса Меркадера о его матери.

Боккаччо в «Декамероне» поведал ещё одну легенду о Правде. Она называется «Три колечка», её потом обыграл Лессинг в своей драме «*Наман мудрый*». Отталкиваясь от средневековой традиции публичных дебатов между христианами, иудеями и мусульманами, он представил нам некоего султана, который обращается к богатому еврею с просьбой рассудить, какая из трёх религий — иудейская, христианская или исламская — кажется ему истинной. Тот отвечает следующей притчей. В некоей благородной семье бытовала традиция, согласно которой отец семейства на смертном одре вручает золотое кольцо тому из сыновей, кого сочтёт самым достойным наследником. Обычай этот неукоснительно соблюдался до того момента, когда случилось так, что умирающий отец не смог решить, кто из троих его сыновей лучше, на кого указать. Он безбожно тянул время, пока не решил: дай-ка я сделаю две копии с оригинала и вручу кольца каждому сыну по отдельности. Поначалу каждый сын воспринял это так, что именно он является легальным наследником, однако потом до них дошло, что случилось, и они убедились, что оригинал неотличим от копий. Мораль истории такова: невозможно рассудить, какая из трёх религий истинна. Все три предлагают себя в качестве божественного откровения, однако самого Господа никак не привлечёшь к их оценке. В интерпретации Лессинга каждого сына уговорили сохранить своё кольцо в убеждении, что именно оно и является подлинным.

По ходу углубления в историю семьи Каридад, женщины, которая безоглядно верила в коммунистические идеалы, я стал лучше понимать ту историю с колечками. Конечно, я не могу отвлечься от моих взглядов настолько, чтобы воспринять убеждения Каридад или Рамона так, как они их понимали, принадлежа своему времени. И не могу прибегнуть и к рассуждениям идеологически нейтральным, как сделал бы бесстрашный судья, чтобы вынести вердикт по поводу *кольца-оригинала*. И уж тем более

нет возможности закрыть глаза на свои приобретённые знания, чтобы пытаться судить без предвзятости.

И, раз уж я упомянул Лессинга, в довесок привожу его слова о том, что достоинство человека заключается не в той истине, которой он обладает, а в усилиях, которые он затратил для её достижения, потому что преодоление — вот что даёт нам вкус жизни. «Если бы бог протянул мне обе свои руки, в правой из которых была истина, а в левой желание её найти, и предложил выбирать — причём выбор мой был бы окончательным, навечно, — то я со смирением склонился бы перед его левой десницей со словами: “Отец, дай мне то, что в этой руке, потому что абсолютной истиной обладаешь только ты”». Мне кажется, это основная идея метафизической новеллы «*Моби Дик*» Германа Мелвилла. В доказательство приведу ссылку этого автора на «слабодушного юношу, отважившегося приподнять покрывало ужасной богини в Саисе». Это прямая аллюзия на поэму Шиллера «*Покрытая богиня в Саисе*», в которой рассказывается, как некий юноша вошёл ночью в храм, где хранилась укутанная статуя Истины. Он подошёл к ней и сдёрнул покрывало. На следующее утро жрецы обнаружили в храме совершенно невменяемого молодого человека, вконец потерянного и безвольного, который вскоре помер, так и не сказав, что ему открыла обнажённая богиня.

3

Я стал осознавать сложности, в которые ввязался, когда один из бывших сотрудников КГБ заявил мне: «А вот об этом я тебе ничего не скажу, потому что моя память — собственность нашего государства». При этом главных действующих лиц данной истории уже не было в живых, так что расспрашивать о них пришлось тех, кто с ними общался, но знал, естественно, только часть правды. Не раз и не два оказывалось, что в вопросах, касающихся политической деятельности некоторых лиц, я был более сведущ, чем их потомки. Но это как раз понятно, потому что своих детей родители берегли от излишней информации.

— Отец никогда нам не рассказывал о том, чем занимался в своих поездках, которые длились порой месяцами. А когда я вырос, он честно заявил, что для меня будет лучше знать как можно меньше, — признался мне однажды сын испанского агента НКВД — комиссариата внутренних дел, существовавшего до КГБ. Таким образом, мне приходилось лавировать между той частью памяти, которой вольно располагал каждый, и той частью, которая по тем или иным причинам скрывалась — ради благополучия близких

либо просто из скромности, так как *настоящий коммунист* не придаёт большого значения собственной биографии.

А ещё бывали случаи, когда мне доверяли что-то при условии, что я никому этого не расскажу. «Ну, ты мне и подарочек преподнёс, — написал я одному человеку, получив от него именно такие сведения, — и как мне с этим жить дальше?... Ладно, не бери в голову, я же дал слово».

Ив Монино, известный французский этнолингвист, с которым я надеялся прояснить обстоятельства отношений между Каридад Меркадер, её сыном Жоржем и группой польских коммунистов, сказал на этот счёт так:

— Поскольку моя память не является *собственностью государства* (формула, отлично описывающая ту атмосферу секретности и конспирации, в которой жило огромное большинство коммунистов, имевших связи с ГРУ, НКВД или Коминтерном или же активно участвовавших в Сопротивлении, — даже если они потом и уходили из партии), я вам расскажу всё, что знаю, однако этого «всего» — кот наплакал. Учтите: главы семейств со своими детьми информацией не делились, потому что существовали партийные секреты, да и просто из скромности не могли чем-то кичиться. Сколько раз слышал, как моя мать в сердцах обзывала фанфароном того или иного активиста, которого знала лично и который решался публиковать мемуары с описанием своих заслуг! Сколько раз мой отец в сердцах отзывался при мне о членах ЦК КПИ периода постфранкизма, которые делились своими подвигами в гражданскую: «Этот Фулано — трус, который нос на фронт не показывал! А Менгано¹ был самодур, солдат ни в грош не ставил». Так что даже когда я стал взрослым и пытался разговорить родителей, то вытащить из них хоть что-то было равносильно искусству хирурга-дантиста. Что вы думаете накопать в своих поисках: ругань одних коммунистов, откровения ренегатов, которым нельзя доверять, молчание третьих?

— Мой тебе совет: не ройся в этом! — заявил мне сын одного из лидеров испанских коммунистов после того, как я ему показал документы о его отце.

— Что ты от меня хочешь, чтобы я тебе душу вывернула, которая болит? — услышал я от сестры одной нашей героини, которая умерла от туберкулёза в Советском Союзе. Так я и не нашёл к ней подхода, любой вопрос выглядел бестактным — нельзя же было удовлетворять любопытство ценой её страданий.

Много раз приходилось стучаться в двери, которые так и не открылись — либо никого уже не было в живых, либо не было доверия у тех, кто глухо спрашивал, стоя по другую сторону, зачем я явился. Случалось, однако, и так, что передо мной распахивались двери, в которые я даже не звонил. К примеру, мне прислали несколько электронных писем из Соединённых

¹ Фулано, Менгано — испанские Иванов, Петров, Сидоров.

Штатов без подписи, позволивших прояснить то, над чем я давно бился, так что в моих странствиях встречались люди, оказывавшие огромное содействие и чьи находки очень помогли в написании этой книги.

Я уверен, что Каридад Меркадер ни под каким видом не согласилась бы раскрыть подробности своей жизни чужому человеку, который попробовал бы втереться к ней в доверие с *молескином*¹ в руках. Такой отпор был бы вполне объясним. Каридад привела бы такие доводы: в рабочем движении нет место индивидуализму, единственно важным представляется коллективное действие; для коммунистического деятеля скромность является таким же важным свойством, как самоотверженность, потому что всякая переоценка своей роли приводит к тому, что ты не служишь партии, а пользуешь её. Ветераны, с кем мне удалось переговорить и кто пережил годы героического напряжения, заявляли, что «индивидуализму не было места». Настоящий коммунист уверен: движение — нечто большее, чем он сам. К чему выпячивать свою индивидуальность?

«Личность — ничто. Партия — безмерная ценность», — писал Артур Кёстлер в 1940 году². В действительности личность в эпоху сталинизма означала буржуазную категорию, излишний груз, который нужно было сбросить на пути к обещанному будущему. И в этом смысле подлинная биография коммунистического деятеля может быть написана только человеком других убеждений, признающим ценности индивидуализма, который считает, что личностная психология применима к вере революционера.

Я потратил немало усилий, чтобы понять, что означало быть членом коммунистической партии при жизни Ленина, а особенно в железные годы сталинизма. Тот, кто записывался в её ряды и обретал членский билет, должен был отбросить напрочь собственное волеизъявление. Членство было своеобразным видом религиозного обращения. Оба свойства могут быть начертаны одним мазком: невозможность возврата в прежнюю жизнь. Для того чтобы такая конверсия состоялась, следовало признать собственное ограниченное понимание хода вещей и возыметь страстное желание преодолеть его путём абсолютного служения делу Истины. Таким образом, эгоистическое «я» вырывается из тумана отчуждения, приобщаясь к сиянию «добра». С этого момента всё то, что отвлекает тебя от цели, является грехом и контрреволюционно.

«Оставь всё и иди, куда Я скажу», — предлагал Христос своим ученикам. Именно это и требует партия от тех, кому вручает членский билет. По этой же причине тот, кто сохраняет хотя бы частичку своеволия, подпадает под подозрение. И чем более требуется от обращённого, тем легче ему

¹ *Молескин* — фирменная записная книжка с эластичной застёжкой сбоку.

² В романе «Слепящая тьма».

впасть в ересь. Подобно кающемуся грешнику в церкви, партийный грешник обязан покаяться и смириться с наказанием. Чтобы понять, что значил отход от идеологической линии при сталинизме, когда всякая фракционная деятельность объявлялась грехом, достаточно вспомнить времена инквизиции. Подобно тому, как сам св. Пётр, руководимый Св. Духом, оказался бы в немалом затруднении перед трибуналом инквизиции, так и коммунистический «еретик», будь сам Маркс его адвокатом, не мог рассчитывать на оправдательный приговор, представ перед сталинским судом. Для всех, кто писал об утрате веры в ортодоксальное учение — политическое или религиозное, — характерна одна и та же драма: они обнаруживали, что курс, который давал смысл их жизни, ведёт вовсе не туда, куда грезились, — конечно, если они реально представляли, куда идут. То есть речь шла о потере самой главной ценности: служения вере, обретаемой вкупе с самоотверженностью.

Сегодня мы все атеисты в той мере, в какой атеизм является мультипликацией Бога. Внимание рассеивается от приобщения к политеизму. Это не означает, что мы не могли бы ввязаться в защиту какого-то дела, которое кажется нам благородным. Мы даже можем уделять этому несколько часов в неделю и предусматривать в налоговой декларации пожертвование в его пользу. При этом обращённый в веру перестал быть антропологическим курьёзом. Его заменил партийный активист, который спокойно рассказывает в интернете о своей выдающейся роли, после чего ему накидают «лайки».

Член коммунистической партии был не просто активистом. Его отличала органическая вера в идею. Если простой активист проявляет участие исключительно в силу своей приверженности общему делу, то член партии и в своей вере, и в конкретных акциях руководствуется общей целью и идеологией; при этом партия определяет стратегию коллективного действия и тактику индивидуального. Член партии, безусловно, посвящает себя её целям, партия определила саму себя организующим авангардом пролетариата. Напротив, движущим импульсом современного активиста является его моральный протест, на который влияют средства коммуникации и социальные сети. Демонстрировать этот протест вполне можно по интернету, даже не выходя из дома. Активист, таким образом, является радикалом лишь время от времени. Его вовлечённость не требует от него полного приобщения к правому делу. Это, конечно, не имеет ничего общего с былой самоотверженностью члена партии. Чтобы убедиться, достаточно заглянуть в «*Биографический словарь французского рабочего движения*» под ред. Жана Мэтрона¹ — справочник, который весьма пригодился мне в работе.

¹ *Dictionnaire biographique: mouvement ouvrier: mouvement social. Vol. 45: Jean Maitron "Dictionnaire Biographique du Mouvement Ouvrier Française"*.

Думаю, что наиболее явственно процесс перехода от партийного сознания к сознанию активиста стал проявляться с мая 1968 года. Проведя какое-то время в протестном угаре — с брусчаткой в руках им грезилось море по колено, — студенты университетов возвращались в родительские дома ужинать и спать. Процесс завершился крушением пролетарского мифа и упадком мощных когда-то коммунистических партий.

Да, иногда на нас накатывает лёгкая ностальгия по той призрачной политической вере, которая ныне может нас лишь слегка придержать, но не принудит менять курс.

Книга эта была написана уже после тех брехтовских «*мрачных времён*»¹, с которыми мы, как некоторым кажется, покончили без особых усилий.

4

«...И после всего этого...» — так Ксенофонт начинает свою «*Греческую историю*»². Любители ужимать реальность до размера главы учебника по логике полагают, что этой фразой Ксенофонт отсылает читателя к незавершённой финальной части «*Истории Пелопонесских войн*» Фукидида³. Таким образом, «...и после всего этого...» означает «в русле того, что говорит Фукидид...» — и, возможно, здесь они правы. Тем не менее я не берусь утверждать, что Ксенофонт искренне полагал ничтоже сумняся, что таким образом можно начинать исторический труд. Такая неопределённость, скорее всего, означала: «...не подумайте, что история, которую я вам расскажу, начинается с первого слова этой книги. Весь исторический сюжет открывается лишь иллюзией начала, однако это всего лишь иллюзия. Причины исторических явлений всегда более сложны, чем наши вольные толкования». Всякое историческое повествование отталкивается от интерпретации, — и это должно быть так, потому что минувшие события описываются взглядом из будущего, а всякое будущее имеет свою трактовку прошлого. Мы же не ведаем, как нас оценят когда-нибудь. Фрейд претендовал на звание терапевта, но сегодня его почитают скорее как литературного гения. Биография выдающегося человека никогда не кончается, потому что будущее добавляет ей новые смыслы. Предположу, что только в неких простых жизнеописаниях возможна финальная точка.

¹ Аллюзия на стихотворение Б. Брехта «*К потомкам*», относящаяся к временам франкизма.

² «*Греческая история*», или «*Эллиника*». Ксенофонт (ок. 444 до н.э. — ок. 356 до н.э.) — древнегреческий писатель и историк.

³ Фукидид (ок. 460 — ок. 400 до н.э.) — древнегреческий основатель исторической науки, автор «*Истории Пелопоннеской войны*».

История есть иллюзия: то, что для её действующих лиц представлялось непредвиденным, описывается как неизбежное, — однако на деле порядок изложения даёт нам лишь представление писателя о последовательности событий.

5 мая 1818 года родился Карл Маркс, 22 апреля 1870-го — Владимир Ильич Ульянов-Ленин, 18 декабря 1878-го — Сталин, а 7 ноября 1879-го — Троцкий. Кариада Меркадер родилась после них всех.

В своей биографии, которую она написала в штаб-квартире III Интернационала, — а III Интернационал был тогда вроде новой Церкви, единственной инстанции, обладавшей абсолютным правом на Истину, и иметь от него какие-либо секреты считалось кощунством, — она указывает, что родилась 29 марта 1896 года в городке Сан-Мигель-де-Арас, Кантабрия, получив при крещении имя Эустакия Мария Кариада дель Рио Эрнандес. Однако эта её автобиография, сохранившаяся как в черновике, так и в подписанном окончательном варианте, представляет форменную головоломку, потому что во всех официальных документах сказано, что родилась она в Сантьяго-де-Куба 28 марта 1892 года. Я не думаю, чтобы под сводами III Интернационала она фальсифицирована своё прошлое, — это был бы бесполезный жест, опасный и к тому же непростительно мелкобуржуазный. Так что если эта автобиография правдива, то остальные её документы лгут, начиная со справки при крещении, которую она предъявила в церкви Св. Анны в Барселоне в день свадьбы 12 декабря 1910 года, и далее по списку: свидетельство о браке, паспорта, визы и прочее.

Если родилась в 1896-м, то замуж вышла в четырнадцать лет — слишком ранний возраст для этого. Муж её, Пабло Меркадер, родился в 1884-м, — значит, женился в двадцать шесть. Хотя каноническое право позволяло брать в жёны девушку такого возраста, однако мне кажется, что в буржуазной среде, родной и для Кариада, и для Пабло, на подобный союз посмотрели бы косо; а вот если она была восемнадцатилетней, это выглядело вполне респектабельно. На фотографиях первого года замужества, сохранившихся у нас, она смотрится очень молодо, а по платью точный возраст не угадаешь.

Таким образом, история эта уже начинается с неопределённости, которую так и не удалось прояснить.

Мы знаем, что Кариада была самой младшей из шести детей и что после обращения к коммунизму ей нравилось упоминать о Сантьяго-де-Куба как месте её рождения, а ещё о заслугах своего дедушки по матери, который, как она указывает в своей биографии, «в 1863 был одним из тринадцати деятелей, освободивших рабов. За это испанцы его расстреляли. Вместе с пятью братьями моей матери». Мать Наталия Эрнандес, думаю, оказала на Кариада огромное влияние, будучи беззаветной сторонницей независимости.

Выйдя замуж, она воспользовалась своим положением в обществе, чтобы за спиной мужа всемерно помогать инсургентам. Во всяком случае, первое, что можно выделить в обеих — матери и дочери: обе отличались самостоятельностью в своих решениях.

Отец Каридад, Рамон дель Рио-и-Пачеко, родился в Сан-Мигель-де-Арасе в 1848 году в семье древнего дворянского рода, пришедшего в сильный упадок. Когда Каридад познакомилась со своей родней из Сантандера — возможно, на похоронах отца, — перед ней предстали простые крестьяне, чья благородная фамилия не освобождала их от необходимости обрабатывать землю. Однако что-то она увидела привлекательное в их сельском быту, потому что однажды, порвав с мужем и сбежав из Барселоны, предпочла жить на ферме, где был скот и её любимые лошади.

Рамон дель Рио эмигрировал на Кубу в возрасте всего тринадцати лет вместе с братом, который был немного постарше. Дела у них пошли хорошо. Удалось заработать денег, добиться известного положения в обществе и даже заслужить важные посты в Либеральной партии Кубы (в автобиографии Каридад пишет, что отец с дядей были «партийными руководителями»), выступавшей за автономию, отмену рабства, свободу печати, собраний, ассоциаций, образования и вероисповедания. Отец закончил трудовую деятельность уже на дипломатической работе. 12 июня 1880 года он женился на Наталии Эрнандес дель Кастильо, на год его младше, урождённой города Сантьяго-де-Куба. Их семейный дом находился там же по адресу ул. Майор, 1. Когда раскрылось сотрудничество его супруги с кубинскими сепаратистами, Рамона спешно перевели в Токио, откуда в 1906 году он вернулся в Испанию. Умер в 1909-м и был похоронен в кантабрийской деревушке Вото, неподалёку от места, где и родился. Будучи уже непоправимо больным, он прямо спросил детей, намерены ли они обрабатывать землю. Каридад так об этом рассказывает: «Он позвал нас и сказал, что если мы не хотим жить в деревне, то отдаст свои земли крестьянам, потому что за свою жизнь видел много несправедливостей и не хотел бы, чтобы мы нанимали управляющего для эксплуатации крестьян». Таким образом, Каридад подтверждает указанную в автобиографии дату рождения, указав, что в день смерти отца ей было тринадцать лет.

Когда мужа услали в Токио, Наталия обосновалась в Париже. Там Каридад воспитывалась в одной из престижных религиозных школ *Сакре-Кёр*¹ для девочек. После смерти отца её отправили в Мадрид «выучить испан-

¹ «Св. Сердца Иисуса» — поначалу это имя носила католическая монашеская конгрегация, основанная в 1800 году во Франции. Она занималась воспитанием юных католичек, широко распространив школы этого имени в Старом и Новом Свете. Здесь это название будет встречаться в разных вариантах.

ский, который едва знала». В следующем 1910 году её определили в школу того же ордена, но уже в Брайтоне, Англия. Воспитание, которое она получила, было суровым и, казалось бы, с лихвой определяло сословные убеждения, свойственные сеньоритам её статуса. Известно также, что она занималась не только такими *благородными* видами спорта, как верховая езда, но и приобрела некоторые математические познания. Её «прилично воспитали» для того времени, при этом настоящее «приличное воспитание» скрывало от девочек изрядную сторону реального мира.

Моё общение с Луисом Меркадером не ограничилось обретением идеи написать эту книгу. Оно сказалось и на процессе её создания. Так, он рекомендовал меня своей дочери, которую тоже звали Каридад — в честь бабушки. Мы встретились в 2013 году мартовским днём, ближе к вечеру, во Дворце каталонской музыки¹. Моей собеседницей оказалась женщина, которая, несмотря на то что согласилась на встречу, сходу заявила, что ничего не станет рассказывать о своей семье. Так что пришлось ограничиться высказыванием разных предположений о том, что мне хотелось услышать, в надежде получить подтверждение или поправку — и всё оказалось понапрасну, если честно признаться. Тем не менее она любезно дала мне скопировать несколько чудесных фотографий бабушки, а также электронный адрес замечательной женщины Бетти Минк, которой я стал обязан существенной частью информации о Каридад. Они повстречались в 1950 году, когда по ряду причин Каридад прониклась к Бетти, которой было тогда всего двенадцать лет, большой симпатией, и с тех пор поддерживали тесные отношения. При этом Каридад не раскрывала конфиденциальные подробности своей биографии, а Бетти никогда ими особо не интересовалась. Именно поэтому воспоминания Бетти, которые она, делаясь со мной, столь любезно оживила, оказались ценнейшими.

Я продолжаю переписку с Бетти. Наши отношения, полагаю, вышли на новый уровень. По обоюдному согласию мы ими дорожим, выбрав заочное общение по электронной почте — своеобразной экологической нише.

Это от неё я узнал, что Каридад особо гордилась следующей историей. Во время учёбы в колледже в ответ на замечание, сделанное ей преподавателем английского, она возразила: «Я ненавижу английский. Это какой-то лошадиный язык. Вот испанский — язык божественный». Я сказал Бетти, что на самом деле эти слова приписывают императору Карлу V: «Я говорю с послами по-итальянски, с женщинами по-французски, с солдатами по-немецки, со своим конем по-английски, а с Богом по-испански»². «Браво,

¹ В Барселоне.

² Карл V Мудрый (1338–1380) — король Франции династии Валуа. Указанную цитату упоминают по-разному, например: «Я буду говорить с Богом по-испански,

Каридад! — прокомментировала Бетти. — Будучи девочкой, умудрилась выдать фразу императора за свою. Кажется, она много раз рассказывала об этом, но Карла V никогда не приплетала».

Интересно, стоило ли принимать всерьёз её ссылку на бога?

Зачастую для доказательства природного жестокосердия Каридад приводят легенду о том, что поначалу она была весьма религиозной особой и испытывала приступы мистицизма; даже пошла послушницей в закрытый религиозный орден «*Босые кармелитки*», однако её мятежный характер взял верх над укладом святош, и всего несколько месяцев спустя она покинула обитель.

Я не могу ни отрицать, ни подтвердить целую лавину ссылок на её природный фанатизм, однако мне кажется интересным просто факт дерзкой стычки девочки с преподавателем.

В какой-то момент Каридад училась и в барселонском колледже «*Sagrado Corazón*»¹, что, как мы увидим, будет иметь определённые последствия, когда произойдут революционные экспроприации во время гражданской войны.

Я смотрю на фотографии Каридад, сделанные в 1910 году, за несколько месяцев до свадьбы. Она их послала своему жениху Пабло с Кубы. Если так, то она ещё не живёт новой семейной жизнью в Барселоне — там они обоснуются с 23 октября того же года. Похожа на подростка, но я не буду утверждать, что так оно и было, поскольку в то время ещё не было подростковой субкультуры, и дети расставались со своим неудобным возрастом стремительно — скажем, за какие-нибудь сутки. Выглядит она молодой и утончённой дамой, хотя не осмеливаюсь назвать её красавицей. Она держится несколько неуверенно, будто только что распрощалась с детством, но не совсем. Не хватает естественности для того, чтобы свободно держаться в роскошном наряде по моде *бель-эпок*, особенно с монументальной шляпой — *un chapeau de cheminée*², которую на неё нахлобучили. На ней креповая блузка с вышивкой и, как положено, с высоким воротником, рукава по локоть, руки обнажены. В этой девушке невозможно угадать будущую революционерку, облачённую в синий комбинезон³, однако в глазах чувствуется энергия — взгляд живой, острый и неглупый.

с женщинами по-итальянски, с мужчинами по-французски, а со своим конем по-немецки».

¹ *Sagrado Corazón* — название колледжа *Святого Сердца Иисуса (исп.)*, то же, что *Sacré-Cœur (Сакрё-Кёр)* во Франции.

² *Дорожная шляпа* — фр.

³ «*Моно*» — нередкая форма женщин-республиканок в начале гражданской войны в Испании.

Те, кто знал Каридад в детстве, утверждали, что в девочке уже угадывался темпераментный и непредсказуемый характер. То она уходила в себя, отдаляясь от окружающих, будто в недоступное ни для кого убежище, то проявляла неуёмную властность. Все сходятся на том, что она притягивала внимание. Глядя на фото, я задумываюсь, сказалось ли на характере то, что вскоре после смерти отца семья спешно решила выдать её замуж.

Второе фото студийное, где она сидит на повозке, запряжённой ослом. Одетая элегантно, в удобное длинное платье.левой рукой держит поводья, а правой взмахнула веткой, будто погоняя животное, которое застыло в недоумении. Каридад послала этот снимок своему жениху в виде открытки со следующим текстом: «Мой милейший Пабло; как я тебе в роли возницы? Дело в том, что на Кубе мне приходится ежедневно мотаться за мешками с мукой; вообрази, сколько работы, и, если ты не вытащишь меня отсюда, я помру от изнеможения и усталости, так что спешу. Любящая тебя твоя Чатин (продолжай называть меня так, как тебе нравится)». Более всего удивляет в этом письме не текст и даже не его тон, а то, что, несмотря на содержание, Каридад хранила фотографию всю жизнь — и в Москве, и в Париже. Копию фото прислал мне её внук Жан Дюдуи. Смотрю на снимок и думаю: с какой же лёгкостью порой люди идут в западню, принимая её за спасительное убежище.

Некоторое время до выхода замуж Каридад вела светский образ жизни в Барселоне, прославив «амазонкой». Если верить её сыну Луису, она была лучшей наездницей Испании. Конечно, очень любила лошадей. Общаясь с ними, чувствовала себя настолько счастливой, что к концу жизни, когда путь уже был исчерпан, с особыми подробностями и ностальгией она вспоминала не прожитые приключения и полученные награды, а своих коней и то душевное спокойствие, которое нисходило на неё, когда она жила в деревне.

5

Каридад дель Рио и Пабло Меркадер поженились, как мы знаем, 12 декабря 1910 года. По всей видимости, это была типично буржуазная свадьба, что само по себе говорит мало, потому что слишком большая неопределённость стоит за понятием «буржуазная семья». Откуда вышла большая часть великих теоретиков социализма, как не из этой среды? Если бы буржуазная семья была такой, какой её так уничижительно представляет марксизм, то есть охранителем всеобщего статус-кво, революция осталась бы без своего блистательного авангарда.

За полтора года до свадьбы случилась «трагическая неделя», унёсшая 78 жизней, сгорело 112 зданий, 2000 человек попали под следствие и 5 приговорены к смерти¹. Семь лет оставалось до русской революции и до вспышки так называемого «барселонского бандитизма», обрушившего на город кровавый ураган, который унёс жизни многих рабочих, их адвокатов, хозяев, полицейских и, естественно, самих бандитов². Возникло народное ополчение, его составили добровольцы — Пабло Меркадер в их числе, — которое решительно выступило за наведение порядка.

Нарсисо Меркадер Саканелья, отец Пабло, умер в 1894 году, оставив старшего сына Хуана во главе крупного семейного предприятия. В Барселоне на сходе улиц Дос-де-Маиг и Росельо семья имела фабрику красителей. Ровно за год до свадьбы на управляющего фабрикой по дороге домой кто-то напал и выстрелил в него в упор. К счастью, он отделался лёгким ранением. Подозрения немедленно пали на работников фабрики, которые бастовали уже два месяца. Через несколько дней один из рабочих признался в жандармерии в том, что на сходке, состоявшейся в клубе красильщиков, было принято решение нанять какого-то бандита за пятьдесят песет, чтобы тот нажал на курок.

В Бадалоне у них была текстильная фабрика Кан-Меркадер, благодаря которой семье удалось нажить большой капитал, однако они не сумели должным образом им распорядиться — более того, против всякой логики дело дошло до разорения. Бадалонцы давно забыли про времена, когда сирена Кан-Меркадера звала на рабочую смену сотни семей. Тем не менее имя фабрики сохранилось в различных названиях жилого района.

Пабло Меркадер был торговым экспертом и считался, что называется, серьёзным человеком. Имел твёрдые убеждения католика и монархиста и, в отличие от брата Хуана, его ничто не привлекало в общественной жизни. Исключая, правда, верховую езду. Как и Каридад, он посещал Барселонский клуб верховой езды, располагавшийся в те времена на бульваре Грасиа. Каридад не раз вспоминала, что влюбилась в него прежде всего потому, что он был хорош как наездник: обходительный, воспитанный, элегантный и сдержанный в обращении — настоящий кабальеро. Её даже не слишком

¹ Имеются в виду события 26 июля — 2 августа 1909 года в Барселоне и др. городах Каталонии. В ответ на намерение правительства Мауры послать резервистов на подавление мятежа в Марокко профсоюзы объявили всеобщую забастовку, которая перешла в восстание.

² Летом 1917 года депутаты в Кортесах от Каталонии создали Региональную ассамблею, требовавшую автономии. Профсоюзы и анархисты призвали к всеобщей стачке — разразилась пятилетняя война между бандформированиями, находившимися на содержании предпринимателей, и отрядами анархистских боевиков.

Содержание

Глава 1. «...И после всего этого...».....	3
Глава 2. Надо жить!	33
Глава 3. «Все наши надежды оправдались!».....	63
Глава 4. «Докопавшись до истины, она отдалась ей со всей страстью»	102
Глава 5. Нескончаемый крик.....	139
Глава 6. «Ищите обиженных судьбой...».....	208
Глава 7. «Если я и был преступником...»	244
Глава 8. «Это я сделала, Господи!»	298
Вместо эпилога: Меркадеры и другие.....	363
Ссылки и примечания автора	374
С признательностью	381
Древо семьи Меркадеров.....	382
Список персонажей.....	383
Использованные архивы	389
Библиография	389

*Эустасия Мария Каридад дель Рио с братьями. Барселона, ок. 1895 года.
Из альбома Жана Дюдуи*

*Каридад с сестрой – возможно, в Париже.
Из альбома Марии Терезы Льежет*

Фотооткрытка, её Каридад послала с Кубы своему жениху Пабло Меркадеру. Девушка на повозке — «твоя Чатин». Ок. 1910 года. Из альбома Жана Дюдуи

Каридад и Пабло. 1915 год.
Из альбома Жана Дюдуи

Ок. 1920 года. Прогулка барселонских буржуа по территории Конноспортивного клуба. В центре — Каридад, носившая наряды от Аниты Монро — лучшей кутюрье города. Из альбома Марии Терезы Льежет

Каридад в Бадалоне, 1921 год. Перемена в манере одеваться отражает метаморфозы её личности. Из альбома Жана Дюдуи

Грегорио Лури — педагог, д-р философии, публицист, сотрудничающий с различными СМИ. Лауреат премий Хуана Альберта за эссе (2001) и за короткое эссе (2004). Автор книг «Прометей. Становление мифа» (2002), «Руководство по непониманию Сократа» (2004), «Как говорить на языке Платона» (2011), «Убить Сократа?» (2015), «Моральный императив интеллигента» (2018), «Консервативное воображение» (2019), «Школа в парке аттракционов» (2020), «Скотская наша семья» (2020), «Сентиментальный мармелад» (2021), «Сосредоточенность. Авантюризм Я» (2021) и др., изданных в Испании и за рубежом.

Ледоруб и душераздирающий крик сопровождали трагическое убийство Троцкого Рамоном Меркадером. Эту произошедшую в августе 1940 историю с неизбежностью будут реконструировать тысячу раз, потому что она сразу стала одним из мифов минувшего века.

Грегорио Лури провёл кропотливое исследование жизни семьи Меркадеров. Встречаясь с родственниками героев и персонажей книги, используя малоизвестные документы и свидетельства, автор приводит разные точки зрения на ключевые события того времени. Затронуты некоторые «белые пятна» в работе советских спецслужб в течение и после Гражданской войны в Испании, судьба республиканцев, оказавшихся в изгнании (Советский Союз, Франция, Мексика), эволюция их мировоззрений, вопрос, каким образом сталинские репрессии и отношение к троцкизму повлияли на мировые события в целом.

Издание на русском языке в сравнении с оригиналом исправлено и дополнено автором с учётом новых сведений и фотоматериалов. Достоинно внимания всех, кто интересуется **военной историей, международными отношениями, а также историей советских секретных служб.**

ISBN 978-5-4469-1989-5

9 785446 919895